

Республиканский генерал Моро, погребенный в Санкт-Петербурге с почестями российского фельдмаршала

Для народов Европы, придавленных тяжелой пятой режима Бонапарта, разгром Великой армии в России послужил сигналом к освободительной войне. Идея создания иностранного освободительного легиона из пленных французов была тогда велением времени. И вполне закономерно, что вынашивал ее знаменитый генерал Великой французской революции, выдающийся стратег и непримиримый противник Бонапарта Жан-Виктор Моро. Несправедливо обвиненный Наполеоном в роялистском заговоре 1804 г., генерал был вынужден покинуть Францию. Он поселился с семьей в Америке и целых девять лет жил как частное лицо на своей ферме у р. Делавар, на полпути между Нью-Йорком и Филадельфией.

В России генерала Моро знали. Своими искусными маневрами в Италии в 1799 г. он восхитил Суворова: «Моро понимает меня, старика, а я радуюсь, что имею дело с умным полководцем!»¹. Когда Моро спрашивали о Суворове, он отвечал: «Что можно сказать о человеке, способном довести накал боя до сверхчеловеческого напряжения»². Судьбе было угодно, чтобы оба полководца – Суворов и Моро – навечно упокоились в городе на Неве, и даже на одном проспекте!

В сражении при Нови Моро получил у великого русского полководца урок, который блестяще использовал потом для своей чистой победы при Гогенлиндене. Моро хорошо запомнил, что перелом при Нови произошел, когда в сражении, достигшем наивысшего напряжения, у него за спиной неожиданно появился австриец Мелас, посланный Суворовым обходной горной тропой. А через год, когда великого Суворова уже не было в живых, возле немецкой деревушки Гогенлинден Моро бросил рвавшегося в бой Нея

прямо в центр огромной австрийской армии, в тылу которой в этот момент яростно ударили генералы Ришпанс и Декан. Моро послал их через Эберсбергский лес обходными тропами, разведанными накануне. Надо было видеть, как дрогнули австрийцы, как смешалась и закружилась, ломая лошадям ноги на буреломе, в оврагах, прославленная австрийская конница – отважные мадьяры. Они почти все полегли тогда, и декабрьская вьюга, казалось, довершала разгром. Ну, а что же первый консул? Он, говорят, даже подпрыгнул от радости, узнав об этой победе, и сгоряча послал Моро восхищенное письмо. А потом, на острове Св. Елены в мемуарах великий человек унизился до простого обмана: мол, Декан и Ришпанс заблудились в лесу и случайно вышли в тыл австрийцам, а не полководец их туда послал...

Но вернемся к Моро 1812 года, когда бывший якобинец и знаменитый полководец республиканской Франции коротал дни на своей ферме Моррисвилль в Америке. Будучи осведомленным о потрясениях, обрушившихся на европейские страны и народы в результате империалистических войн Наполеона, Моро сильно негодовал на этого человека, чьи имперские амбиции в сочетании с диктаторскими наклонностями приняли какие-то ирреальные масштабы. Францию Моро любил сыновней любовью, скорбя «о несчастьях Родины, которую Наполеон затягивал в пучину новых бедствий». Когда до Америки дошло известие о разгроме французов в России, он написал российскому посланнику в Соединенных штатах Дашкову: «Истинное несчастье для человечества, что низкий виновник бедствий армии, однако, ускользнул от гибели. Он может сделать еще много зла, ибо ужас имени его придает ему великое влияние на слабых и злополучных французов. Я уверен, что он бежал из России, опасаясь столько же дротика казаков, сколько раздражения войск своих. Пленные французы в России должны быть в отчаянии и дышать мщением. Если значительное число сих несчастных согласится под

моим предводительством выйти на берега Франции, ручаюсь, что свергну Наполеона, но помня дело при Кибероне^{*1}, знаю, какие предосторожности должно употребить»³.

Моро на первых порах предполагал, что единственным действенным средством к ниспровержению Наполеона, водворению во Франции спокойствия и утверждения мира в Европе является высадка во Франции корпуса из 30-ти или 40 тыс. военнопленных французов. Это предположение так и осталось мечтой его воображения, рисовавшееся в его «прекрасном далеке» совсем не в том виде, в каком оно было в реальной действительности. За месяц до отъезда из Америки он писал: «Я готов идти во Францию с французскими войсками, но не скрою моего отвращения вступить в мое отечество с чужестранною армией. Что касается до Правительства, какое надлежит учредить во Франции для меня все равно; думаю, что надобно будет сообразоваться с обстоятельствами»⁴.

Предыдущее письмо Моро к Дашкову, насыщенное энергией ожидания перемен, написано непосредственно под влиянием известий о поражении французских войск в России и бегства Наполеона, который 23 ноября в Сморгони скрытно покинул (не в первый раз!) свою несчастную армию. После этого Моро получил еще одно известие из Парижа, на которое общественность почти не обратила внимания, но которое взволновало изгнанного генерала до чрезвычайности.

Еще 6 ноября 1812 г., под Смоленском, Наполеону пришло сообщение о странном происшествии, случившемся 23 октября в Париже. В тот день ранее арестованный соратник Моро по обществу «Филадельфов», бежавший из заточения республиканский генерал Мале, распусшив слух о смерти Наполеона, захватил на несколько часов власть в Париже. Хотя

---

* Моро имеет в виду неудачную высадку роялистов на полуострове Киберон в 1795 г., где они были отрезаны от коммуникаций с английским флотом и разгромлены.

выступление было подавлено прежде, чем о нем узнал весь Париж, Наполеона поразило то, что никто, по-видимому, не вспомнил о его сыне-наследнике Наполеоне II, который должен был занять место отца-императора в случае его смерти. Французов охватила страшная болезнь – оцепенение всех слоев общества, породившее всеобщую апатию к политическому переустройству и равнодушие к судьбе государства. Франция устала от войн и потрясений. Рушились надежды Моро на предполагаемый энтузиазм французов, с которым был бы встречен его воображаемый освободительный корпус. Моро был опечален гибелью своего старого товарища и единомышленника. Грустные размышления усилили его сомнения. Примут ли республику французы? Да и нужна ли она сейчас Франции? Иллюзии стали рассеиваться. Осталось последнее: средоточие зла и бедствий любимой Франции и других народов – Наполеон – должен быть низвергнут! И, как стало очевидным, с помощью иностранной державы. Такой державой, по мнению Моро, являлась только Россия.

Учитывая популярность генерала в России, император Александр I хотел пригласить Моро на русскую службу еще в 1805 г., почти сразу после прибытия его в Америку. Когда осенью того же года началась первая война России с Наполеоном, то дипломат, действительный тайный советник Ф.П. Пален под видом путешественника отправился в Соединенные Штаты, чтобы предложить знаменитому изгнаннику вступление в русскую службу в чине полного генерала, а если Моро того не пожелает, пригласить его в русскую армию как частное лицо. Палену поручено было уверить Моро, что «каковы ни были бы обстоятельства, он и семейство его найдут в России спокойное убежище»⁵. Но граф успел добраться лишь до Англии, когда получил сообщение о заключении мира и возвращении русских войск в Россию. Через полтора года, во время похода в Пруссию в марте 1807 г.,

предполагалось снова вступить в переговоры с Моро, но Тильзитский мир этому воспрепятствовал. Зимой 1812–1813 гг. года переговоры были возобновлены. Именно поэтому в те дни на ферме у Моро с письмом от императора Александра I появился сотрудник русской миссии в Америке, генеральный консул в Филадельфии Н.Я. Козлов.

Генеральный консул был тогда свидетелем сложной и интересной политической ситуации в Соединенных Штатах. С одной стороны, официальные американские власти с республиканцами во главе должны были находиться в состоянии конфронтации с Россией, поскольку США воевали с Англией, основной союзницей России в борьбе с Наполеоном. Однако русско-американские отношения не только не были прерваны, но и развивались в позитивном плане. Федералистская же оппозиция вообще проводила благожелательную к России политическую линию. Общины Новой Англии, особенно ирландцы из Бостона, Нью-Йорка, Филадельфии, прочно занимали русофильские позиции. С восторгом были встречены победные репортажи об изгнании Наполеона из России. Н.Я. Козлов так описывал эти американские настроения в середине января 1813 г.: «Известие сие произвело в здешних умах величайшее впечатление ... В газетах здешних эти вести напечатаны были под заголовком “Des nouvelles glorieuses”^{*2}, титл, который не был дан и самим успехам американцев над англичанами ... Коварные здесь внушения неприятелей наших были доселе весьма деятельны ... обратились ныне в посрамление французской партии, споспешествовали к вящему утверждению мнения о действительном могуществе нашем и заставили удивляться твердости духа, с каковым сделаны нами величайшие пожертвования для отражения неприятеля. Сожжение Москвы чрезмерно поразило здешних жителей. Здесь думали,

---

* Блистательные новости (фр.)

что за вступлением французов в сию столицу мы решимся на все их предложения...»⁶.

Переговоры российского консула и французского генерала на ферме Моррисвилль закончились согласием Моро служить в русской армии. Фельдмаршала Кутузова – победителя Наполеона в России – уже не было в живых, и мнение Европы сходилось на том, что военному гению французского императора может противостоять лишь стратегический гений генерала Моро. Знаменательный факт, что американский купец-капитан согласился снарядить корабль и перевезти генерала через океан, отказавшись даже договариваться с ним о цене. Он был, как и многие, «восхищен намерением Моро вновь явиться на поприще войны»⁷.

Наполеон, узнав о прибытии в союзную армию своего опаснейшего противника, не мог сдержать себя и цинично выругался. Александр I хотел сначала поставить Моро во главе трех союзных армий. Но Моро, разобравшись в общей стратегической обстановке, – полное отсутствие сообщений между армиями, запутанность коммуникаций и неразбериха при подаче и выполнении команд и приказов, вызванная многонациональным составом армий, присутствие при армиях коронованных особ с их блестящими свитами, – решил для себя, а потом и сказал об этом императору: «Предводительство такими огромными армиями кажется мне делом, превышающим силы человеческие». Было решено, что Моро возьмет на себя руководство штабом при Александре I, который возглавит Главную армию, что даже на первых порах обещало дать обнадеживающие результаты. Австриец Шварценберг умел, вероятно, ладить с тремя монархами при армии, но не был одарен способностями в военном отношении.

13 августа у Дрездена была назначена атака на французов до подхода основных сил Наполеона с императором во главе. Моро настоятельно

советовал сделать это. Царь пытался с обычной своей деликатностью по отношению к союзникам убедить Шварценберга отдать приказ о наступлении. Но тот медлил, сомневался, а потом предложил отложить «это» на завтра. Моро еле сдерживал себя. Начались бесплодные прения, обнаружившие полное разногласие во взглядах: атаковать ли немедленно Дрезден? На другой день получили сообщение о появлении Наполеона. Благоприятный момент был упущен. Снова начались бесплодные обсуждения. По словам историка и очевидца А.И. Михайловского-Данилевского, «то место, где стояли монархи с штабом своим, уподоблялось шумному народному совещанию». Шварценберг невразумительно чего-то предлагал. Моро пришел в крайнее раздражение и, бросив шляпу на землю, сказал Шварценбергу: «Эх! Черт возьми, месье, я больше не удивлюсь, что вот уже 17 лет вы всегда биты!» Император старался успокоить его и отвел в сторону. «Сир, этот человек здесь, в командирах – значит все потеряно», – прибавил Моро. Наконец Шварценберг дал союзным государям слово отменить диспозицию наступления к Дрездену, но из-за неразберихи приказ об отмене атаки так и не доспел до большинства колонн. Сражение началось и в конечном счете окончилось неудачей для союзников. Необходимость возглавить армию самому Александру I при сосредоточении всех нитей ведения боевых операций в руках Моро стала настоящей и неотложной. Но судьба распорядилась иначе.

Рано утром 15 августа Моро вместе с императором выехал на позиции. Армии стояли близко друг от друга. Завязалась сильная артиллерийская канонада. При этом непрерывно лил дождь и проносились вихри. Наполеон в подзорную трубу разглядел блестящие мундиры царской свиты и рядом с царем – ненавистного ему генерала. Немедленно приказал он развернуть батарею императорской гвардии. Нашлись очевидцы,

которые утверждали, что Наполеон лично взял прицел и навел орудие: «Чтобы наказать изменника!» Заметив, что огонь французской батареи пристрельно меняет угол, Моро почувствовал неладное. Понимая, что каждый следующий залп может их накрыть, Моро первым делом подумал о жизни человека, проявившего к нему максимум уважения, предоставившего приют ему и его семье. «Государь, отъедем к следующему пригорку. Поверьте моему опыту», – сказал он, повернул лошадь и поехал впереди Александра. Раздалось гнетущее жужжание пушечного ядра, и смертельно раненый генерал Моро падает на землю: ядро оторвало ему правую ногу, прошло сквозь лошадь и повредило колено левой ноги. Напрасно терзал его лейб-медик Виллие, отрезав обе ноги. Генерал умирал мужественно: еще две недели боролся за жизнь, успел перед смертью продиктовать письмо дочери, выкурил свою любимую трубку и скончался.

Знаменитый бонапартистский историограф Гизо писал о «вырвавшихся из репрессивных сетей и оставшихся в живых» республиканских генералах Бернадоте (ставшем наследным принцем Шведским), и Моро, поступившем на русскую службу: «Глава оппозиции VIII года замещает сегодня Брунсвика, а глава оппозиции 1804 года последовал к Суворову»⁸. Огромного нравственного мужества требовал этот шаг от Моро. Когда у Дрездена он впервые увидел французские полки, то голос его дрогнул: «Вот солдаты, которых часто водил я к победе!»

Русский генерал князь Репнин был свидетелем потрясающей сцены, когда Моро встретился с французским пленным, старым солдатом Рейнской армии. Тот узнал французского полководца, выступающего теперь под сенью знамен, враждебных Франции. Старик отступил от генерала Моро на несколько шагов и вскричал: «Да здравствует республика!». Солдат видел в бывшем республиканском генерале лишь изменника и не хотел с ним разговаривать.

Смертельная рана Моро оказала тяжелое впечатление и на союзных монархов, и на их войска. Потеря была велика и невосполнима, император Александр был искренне опечален смертью Моро, которому все десять дней пребывания его на русской службе оказывал знаки внимания и уважения: навестил его первым, когда генерал прибыл 4 августа в Прагу, где квартировала тогда Главная армия, представил его союзным монархам...

Моро успел составить и подать Александру I собственноручную записку, в которой были первые наброски по организации армии и ведению войны. В ней с первых же строк чувствуется основательность подхода к разработке стратегии предстоящей кампании: командующий должен досконально и лично изучать обстановку, знать место и время намечаемых операций, прилагать необходимые усилия к получению нужных сведений.

Генерала Моро похоронили в Петербурге. Под звуки военного оркестра и с почестями, достойными русского фельдмаршала, прах французского генерала был опущен в подземную гробницу собора Св. Екатерины.

Семья генерала переехала в Россию. Страна гостеприимно встретила семью погибшего у нее на службе полководца, а император направил его вдове теплое письмо. «Везде в России найдете вы к себе сочувствие, и если вам угодно у нас поселиться, Я употреблю все способы украсить жизнь вашу, поставляя Себе священным долгом быть вашим утешителем и подпорою ... Дружба Моя к вашему супругу распространяется за пределы гроба, и Я не имею другого способа, хотя отчасти изъяснить ее, как сделал что-либо для благоденствия его семейства!»⁹.

Прошли годы. Любимица-дочка Моро, малышка Виргиния, превратилась в очаровательную девушку, а затем и в великосветскую даму, входившую в число добрых знакомых А.С. Пушкина, который не прочь был отпустить шуточки по ее адресу. Однажды, возвратясь под утро с бала у Салтыковых, он, проходя свой кабинет, возьмет перо, на мгновение задумается и, улыбнувшись, запишет: «Ермолова и Курваль (дочь генерала Моро) всех хуже одеваются...»¹⁰.

Материал для нашего историко-биографического очерка о генерале Моро к 1984 году постепенно вырос до размеров небольшой книги, когда стало известно, что известный писатель Валентин Пикуль готовит к выпуску роман «Каждому свое». Симпатичный генерал из романа, вероятно, слился с нашими представлениями о нем. Дочь Моро, живя в Петербурге, наверняка посещала собор Св. Екатерины, где был похоронен генерал. В романе говорится, что «ее отец, генерал Моро, отлитый в бронзе, стоял над своей могилой, держа в руке боевую шпагу»¹¹. Однако в комментариях исследователя-кинодокументалиста В.С. Лопатина к вышедшим в издательстве «Наука» «Письмам Суворова» есть сведения о том, что вдова генерала Моро, по-видимому, после окончания войны перевезла прах мужа из России во Францию. Об этом говорят также некоторые другие, в частности, французские источники.

Было ли перезахоронение? Что с могилой генерала Моро? Где же она?

Хотелось бы поклониться праху героя, а также насладиться великолепием внутреннего убранства собора, о котором в старых путеводителях писали, что оно соперничало с убранством Исаакиевского и Казанского соборов. Хотелось увидеть резные мраморные иконостасы, которые были привезены из Ливорно еще в XVIII в., цветные витражи, роскошную мраморную облицовку стен и колонн, живопись, в частности, посмотреть картину с образом Св. Екатерины художника Миттендлейдера,

подаренную для главного алтаря императрицей Екатериной II. Увидеть мраморные фигуры апостолов и распятие Христа, сделанное по рисунку знаменитого русского скульптора И.П. Витали. Да и библиотека костела – 60 тыс. томов на тридцати языках – впечатляющее богатство! Наконец, можно было бы удостовериться и в акустических возможностях органного зала, о котором с восхищением писали очевидцы...

Из материалов архива Музея истории религии и атеизма стало известно, что в 1954 г. в связи с письмом французского историка Жозефа Валензеля в МИД СССР, а затем в Иностранный отдел АН СССР, было предложено установить современное состояние гробницы, считавшейся захоронением генерала Моро. Организованная для этой цели авторитетная комиссия 9 июля 1954 г. произвела через небольшое отверстие, сделанное в склепе, обследование. Все детали обследования склепа изложены в акте комиссии и однозначно подтверждают место захоронения генерала Моро. На полу около гроба были найдены две латунные позолоченные фигурные пластинки с надписью на французском языке. На одной из них было написано: «Генерал Моро родился 30 июля 1763 – умер 22 августа 1813, прожив 50 лет 23 дня». На другой:

Идущий в вечность,
Он жил на этой земле
Лишь для того, чтобы умереть за свое дело,
Которое ведет в бессмертие.

Отверстие в стене склепа было вновь заделано в присутствии комиссии. Место погребения отмечено мемориальной бронзовой доской, укрепленной на стене склепа. При входе в собор справа также была мемориальная доска, ныне утраченная. Наличия скульптурных изваяний генерала Моро архивные документы не подтверждают.

Историческая справка по собору дала грустную информацию. Более половины столетия собор не имел достойного хозяина: постепенно исчезли

книги, картины, сломался орган. В последние годы в главном помещении собора разместили склад. В соответствии с решением Исполкома Ленсовета собор поступил в ведение Ленинградской государственной филармонии им. Д.Д. Шостаковича для создания в нем органного зала. Начали работать реставраторы. Под руководством старейшего ленинградского архитектора А.И. Тараненко, автора оригинального проекта реставрации собора, предусматривающего сохранность и восстановление основных реликвий здания, в том числе и гробницы генерала Моро, реставраторы по осколкам, кусочкам и фрагментам собирали остатки интерьеров, задавшись целью придать внутреннему убранству костела первоначальный вид. Созидательная энергия Тараненко позволила преодолеть в свое время рутину и откровенное противодействие определенных кругов бюрократии, нежелающих что-либо менять в застойной ситуации с костелом: огромное здание никем не охранялось и не имело даже самых простых противопожарных средств!

В огне пожара 1984 г. сгорели остатки интерьеров, резные алтари превратились в горку щебня, мраморная облицовка прогорела и осыпалась до кирпича, разрушились мраморные изваяния, погибла многолетняя работа реставраторов, однако величие руин, грандиозность сооружения изнутри, акустические свойства помещения продолжают поражать тех, кому удастся увидеть собор. В настоящее время идет созидательная, нелегкая борьба за восстановление собора. Органный зал в соборе Св. Екатерины может стать одним из лучших в Европе!

* * *

Исследуя семейный архив Козловых, автор настоящей статьи обнаружил листок, от которого дрогнуло сердце – его венчал знаменитый призыв Великой французской революции: LIBERTÉ! ÉGALITÉ! Это было собственноручное письмо генерала Моро на бланке Главнокомандующего Северной армии от 12 фримера IV года Республики (2 декабря 1795 г.).

Осенью IV республиканского года Моро возглавил Северную армию, готовил войска к зимним квартирам и предстоящей летней кампании 1796 г., от которой зависело

само существование Республики. Зима 1795 г. была очень тяжелой, и солдаты терпели жестокую нужду во всем. Они обносились, у них было мало оружия, припасов, даже начальников, так как жирондистский Комитет общественного спасения сместил много высших офицеров, особенно патриотически настроенных якобинцев. Вместо репрессированных якобинских командиров в армию хлынули реабилитированные роялисты, от которых трудно было ожидать республиканской верности. Моро было нелегко с реорганизацией командного состава вверенной ему армии, особенно в высшем ее звене. Письмо его написано через неделю после образования нового правительства – Директории, в котором во главе военного министерства был поставлен Лазарь Карно, замечательный ученый и военный теоретик. Это письмо Моро – ответ на ходатайство некоего генерала Бофора, – выдержано в уверенной тональности и даже с заметной долей язвительности:

«Я получил, генерал, ваше письмо от 9 числа сего месяца [фримера. – В.К.]. Если вы посылали ваши письма в феврале, то мое письмо – это ответ на единственное, которое я получил от вас. Вы понимаете, что я могу вас употребить в армии только в чине, указанном в ваших письмах в феврале. Я не сомневаюсь, что нет недоразумений в их отправке согласно тому перечню, который вы мне здесь делаете в приложении к письму. Однако, только один Министр может это теперь восстановить.

Салют и братство. Моро.»

В семейном архиве Козловых обнаружилось еще одно письмо генерала Моро этого периода времени – 22 вандемьера IV года Республики (14 октября 1795 г.). Письмо это, в отличие от предыдущего, являлось малоизвестным воспроизведением автографа из коллекции Дж. Кейна, выпущенным к столетию Великой французской революции, вероятно, для подношений друзьям и знакомым. В этом письме, адресованном в Комиссариат по организации и движению сухопутных армий, Моро пишет:

«Я получил, граждане, ваше письмо от 17 вандемьера, которое мне сообщает о смещении адъютант-генерала Жуи, назначенного в феврале в Северную армию.

Салют и братство, Моро.

Таким образом, Моро отвечает на запрос-сообщение через пять дней после его отправки, а обратное его письмо, зарегистрированное в Штаб-квартире 26 вандемьера под входящим № 219, шло четыре дня. Соответственно, запрос-сообщение Комиссариата сухопутных армий было получено 21 вандемьера. А 12 вандемьера (4 октября) Конвент успел еще издать указ об отмене «Закона о подозрительных», тем самым формально легализовав по всей стране реакционные партии роялистского толка, классовые интересы которых смыкались с интересами жирондистов. Можно было лишь ожидать схватку из-за лучших кусков пирога, теплых местечек, облюбованных кресел в правительстве и т.п. В самом Париже роялистов-эмигрантов и вообще недовольных скопилось очень много. Ожидалась атака на Конвент. Действительно, она последовала 13 вандемьера, где, как известно, отличился Бонапарт, прозябавший перед этим над топографическими листами в военной канцелярии и которого привлек жирондист-термидорианец Баррас, ставший в эту ночь начальником всех вооруженных сил Парижа. Сибарит, казнокрад и сластолюбец, превосходивший своей продажностью других термидорианцев, Баррас был к тому же трусоват в военных ситуациях. Но тут он кстати вспомнил, что три года назад молодой лейтенант артиллерии, наблюдавший, как толпы восставших хлынули в Тюильри, выразил сожаление, что у него «нет двух пушек,

чтобы смести всю эту сволочь». Презрения к слабому королю и к восставшему народу в этих словах было хоть отбавляй. Картечными залпами, сотворив из роялистов кровавую кашу на паперти церкви Св. Роха, Бонапарт сотворил и собственную судьбу. Из Парижа в армию между тем приходили противоречивые слухи, и многое было неясным: в чьих руках власть в республике? кто во главе военных ведомств? Сообщения о заговорах против республики – действительных и мнимых – резко усилились. На запрос-сообщение Моро ответил сразу. Нужно было быть предельно осторожным: могли ведь легко обвинить в измене, а расправа комиссаров была короткой: прав ты или виноват – выяснялось впоследствии...

В заключение нельзя не сказать о непостижимой, но реально существующей тенденции, при которой смыкаются судьбы новых и старых поколений. После пожара в соборе в Ленинград приезжал потомок генерала Иеремиа Моро, живущий в Австралии. Ему тогда не удалось посетить собор и поклониться праху своего предка. Он сделал письменный запрос в Музей истории религии и атеизма с просьбой поделиться сведениями, которыми располагает музей относительно гробницы Моро, фактов его жизни и деятельности. Одновременно Иеремиа сообщил сведения, которыми сам располагает – всего несколько строк. Через посредничество Агентства авторских прав Иеремию Моро известили, что потомок россиянина [сотрудника русской миссии в Америке генерального консула в Филадельфии Н.Я. Козлова, нашего далекого предка. – *В.К.*], приезжавшего зимой 1813 г. на ферму к Моро с предложением от императора Александра I поступить на русскую службу, в настоящее время собирает материал о его предке, а также располагает ранее неизвестным автографом генерала Моро времен Великой французской революции

Так через несколько поколений судьба вновь свела потомков тех, кто когда-то встречался на крутых перекрестках истории – людей, подчас разделенных громадными расстояниями и принадлежащих к разным народам, чьи помыслы и дела, однако, объединялись в борьбе за освобождение от тирании «всемирной империи» или «всеевропейской монархии».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Суворов А.В. Письма. М., 1987.

² Михайлов О. Суворов. М.: Мол. гвардия, 1973. С. 444.

³ Описание войны 1813 года/ Соч. Михайловским-Данилевским. СПб., 1844. С. 344.

⁴ Там же. С. 345.

⁵ Там же. С. 343.

⁶ Энциклопедия российско-американских отношений, XVIII–XX в. М., 2001. С. 259.

⁷ Описание войны 1813 года... С. 346.

⁸ Histoire de l'empereur Napoléon par P.-M. Laurent de L'Ardeche. P., 1859. P. 638.

⁹ Описание войны 1813 года ... С. 348.

¹⁰ Там же. С. 348.

¹¹ *Пикуль В.* Каждому свое // *Собр. соч. М., 1996. Т. 18. С. 102.*